

О молодильных яблоках и живой воде

В некотором царстве, в некотором государстве жил да был царь, и было у него три сына: старшего звали Федором, второго Василием, а младшего Иваном.

Царь очень устарел и глазами обнищал, а слышал он, что за тридевять земель, в тридесятом царстве есть сад с молодильными яблоками и колодец с живой водой. Если съест старику это яблоко - помолодеет, а водой этой умыть глаза слепцу - будет видеть.

Царь собирает пир на весь мир, зовет на пир князей и бояр и говорит им:

- Кто бы, ребяташки, выбрался из избранников, выбрался из охотников, съездил за тридевять земель, в тридесятое царство, привез бы молодильных яблок и живой воды кувшинец о двенадцати рылец? Я бы этому седоку полцарства отписал.

Тут больший стал хорониться за среднего, а средний за меньшого, а от меньшого ответу нет.

Выходит царевич Федор и говорит:

- Неохота нам в люди царство отдавать. Я поеду в эту дорожку, привезу тебе, царю-батюшке, молодильных яблок и живой воды кувшинец о двенадцати рылец.

Пошел Федор-царевич на конюший двор, выбирает себе коня неезженого, уздает узду неузданую, берет плетку нехлестаную, кладет двенадцать подпруг с подпругою - не ради красы, а ради крепости... Отправился Федор-царевич в дорожку. Видели, что садился, а не видели, в кою сторону укатился...

Ехал он близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, ехал день до вечеру - красна солнышка до заката. И доезжает до росстаней, до трех дорог. Лежит на росстанях плита-камень, на ней надпись написана:

"Направо поедешь - себя спасать, коня потерять. Налево поедешь - коня спасать, себя потерять. Прямо поедешь - женату быть".

Поразмыслил Федор-царевич: - "Давай поеду - где женату быть".

И повернул на ту дорожку, где женатому быть. Ехал, ехал и доезжает до терема под золотой крышей. Тут выбегает прекрасная девица и говорит ему:

- Царский сын, я тебя из седла выну, иди со мной хлеба-соли откусать и спать-почивать.

- Нет, девица, хлеба-соли я не хочу, а сном мне дороги не скоротать. Мне надо вперед двигаться.

- Царский сын, не торопись ехать, а торопись делать, что тебе любо-дорого.

Тут прекрасная девица его из седла вынула и в терем повела. Накормила его, напоила и спать на кровать положила.

Только лег Федор-царевич к стенке, эта девица живо кровать повернула, он и полетел в подполье, в яму глубокую...

Долго ли, коротко ли, - царь опять собирает пир, зовет князей и бояр и говорит им:

- Вот, ребяташки, кто бы выбрался из охотников - привезти мне молодильных яблок и живой воды кувшинец о двенадцати рылец? Я бы этому седоку полцарства отписал.

Тут опять больший хоронится за среднего, а средний за меньшого, а от меньшого ответу нет.

Выходит второй сын, Василий-царевич:

- Батюшка, неохота мне царство в чужие руки отдавать. Я поеду в дорожку, привезу эти вещи, сдам тебе в руки.

Идет Василий-царевич на конюший двор, выбирает коня неезженого, уздает узду неузданую, берет плетку нехлестаную, кладет двенадцать подпруг с подпругою.

Поехал Василий-царевич. Видели, как садился, а не видели, в кою сторону укатился... Вот он доезжает до росстаней, где лежит плита-камень, и видит:

"Направо поедешь-себя спасать, коня потерять. Налево поедешь - коня спасать, себя потерять. Прямо поедешь - женату быть".

Думал, думал Василий-царевич и "поехал дорогой, где женатому быть. Доехал до терема с золотой крышей. Выбегает к нему прекрасная девица и просит его откусать хлеба-соли и лечь почивать.

- Царский сын, не торопись ехать, а торопись делать, что тебе любо-дорого...

Тут она его из седла вынула, в терем повела, накормила, напоила и спать положила.

Только Василий-царевич лег к стенке, она опять повернула кровать, и он полетел в подполье.

А там спрашивают:

- Кто летит?

- Василий-царевич. А кто сидит?

- Федор-царевич.

- Вот, братан, попали!

Долго ли, коротко ли, - в третий раз царь собирает пир, зовет князей и бояр:

- Кто бы выбрался из охотников привезти молодильных яблок и живой воды кувшинец о двенадцати рылец? Я бы этому седоку полцарства отписал.

Тут опять больший хоронится за среднего, средний за меньшого, а от меньшого ответу нет.

Выходит Иван-царевич и говорит:

- Дай мне, батюшка, благословеньице, с буйной головы до резвых ног, ехать в тридесятое царство - поискать тебе молодильных яблок и живой воды, да поискать еще моих братьевцев.

Дал ему царь благословеньице. Пошел Иван-царевич в конюший двор - выбрать себе коня по разуму. На которого коня ни взглянет, тот дрожит, на которого руку положит - тот с ног валится...

Не мог выбрать Иван-царевич коня по разуму. Идет повесил буйну голову. Навстречу ему бабушка-задворенка.

- Здравствуй, дитяtko, Иван-царевич! Что ходишь кручинен-печален?

- Как же мне, бабушка, не печалиться - не могу найти коня по разуму.

- Давно бы ты меня спросил. Добрый конь стоит закованный в погребу, на цепи железной. Сможешь его взять - будет тебе конь по разуму.

Приходит Иван-царевич к погребу, пнул плиту железную, свернулась плита с погреба. Вскочил ко добру коню, стал ему конь своими передними ногами на плечи. Стоит Иван-царевич - не шелохнется. Сорвал конь железную цепь, выскочил из погреба и Ивана-царевича вытащил. И тут Иван-царевич его обуздал уздою неузданой, оседлал седельцем неезженным, наложил двенадцать подпруг с подпругою - не ради красы, ради славушки молодецкой.

Отправился Иван-царевич в путь-дорогу. Видели, что садится, а не видели, в кою сторону укатился... Доехал он до росстаней и поразмыслил:

"Направо ехать - коня потерять, - куда мне без коня-то? Прямо ехать - женату быть, - не за тем я в путь-дорогу выехал. Налево ехать - коня спасти, - эта дорога самая лучшая для меня".

И поворотил он по той дороге, где коня спасти - себя потерять. Ехал он долго ли, коротко ли, низко ли, высоко ли, по зеленым лугам, по каменным горам, ехал день до вечера - красна солнышка до заката - и наезжает на избушку.

Стоит избушка на курьей ножке, об одном окошке.

- Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом! Как мне в тебя зайти, так и выйти.

Избушка повернулась к лесу задом, к Ивану-царевичу передом. Зашел он в нее, а там сидит баба-яга, старых лет. Шелковый кудель мечет, а нитки через грядки бреет.

- Фу, фу, - говорит, - русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче русский дух сам пришел.

А Иван-царевич ей:

- Ах ты, баба-яга, костяная нога, не поймавши птицу - теребишь, не узнавши молодца - хулишь. Ты бы сейчас вскочила да меня, добра молодца, дорожного человека, накормила, напоила и для ночи постелю собрала. Я бы улегся, ты бы села к изголовью, стала бы спрашивать, а я бы стал сказывать - чей да откуда.

Вот баба-яга это дело все справила - Ивана-царевича накормила, напоила и на постелю уложила. Села к изголовью и стала спрашивать:

- Чей ты, дорожный человек, добрый молодец, да откуда? Какой ты земли? Какого отца, матери сын?

- Я, бабушка, из такого-то царства, из такого-то государства, царский сын Иван-царевич. Еду за тридевять земель, за тридевять озер, в тридесятое царство за живой водой и молодильными яблоками.

- Ну, дитя мое милое, далеко же тебе ехать: живая вода и молодильные яблоки - у сильной богатырки девицы Синеглазки, она мне родная племянница. Не знаю, получишь ли ты добро...

- А ты, бабушка, дай свою голову моим могутным плечам, направь меня на ум-разум.

- Много молодцев проезживало, да не много вежливо говаривало. Возьми, дитятко, моего коня. Мой конь будет бойчее, довезет он тебя до моей средней сестры, она тебя научит.

Иван-царевич поутру встает ранехонько, умывается белешенько. Благодарит бабу-ягу за ночлег и поехал на ее коне.

Вдруг он и говорит коню:

- Стой! Перчатку обронил.

А конь отвечает:

- В кою пору ты говорил, я уже двести верст проскакал...

Едет Иван-царевич близко ли, далеко ли. День до ночи коротается. И завидел он впереди избушку на курьей ножке, об одном окошке.

- Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом! Как мне в тебя зайти, так и выйти.

Избушка повернулась к лесу задом, к нему передом. Вдруг слышно - конь заржал, и конь под Иваном-царевичем откликнулся.

Кони-то были одностадные. Услышала это баба-яга - еще старее той - и говорит:

- Приехала ко мне, видно, сестрица в гости.

И выходит на крыльцо:

- Фу-фу, русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче русский дух сам пришел.

А Иван-царевич ей:

- Ах ты, баба-яга, костяная нога, встречай гостя по платью, провожай по уму. Ты бы моего коня убрала, меня бы, добра молодца, дорожного человека, накормила, напоила и спать уложила...

Баба-яга это дело все справила - коня убрала, а Ивана-царевича накормила, напоила, на постелю уложила и стала спрашивать, кто он да откуда и куда путь держит.

- Я, бабушка, из такого-то царства, из такого-то государства, царский сын Иван-царевич. Еду за живой водой и молодильными яблоками к сильной богатырке, девице Синеглазке...

- Ну, дитя милое, не знаю, получишь ли ты добро.

Мудро тебе, мудро добратся до девицы Синеглазки!

- А ты, бабушка, дай свою голову моим могутным плечам, направь меня на ум-разум.

- Много молодцев проезживало, да не много вежливо говаривало. Возьми, дитячко, моего коня, поезжай к моей старшей сестре. Она лучше меня научит, что делать.

Вот Иван-царевич заночевал у этой старухи, поутру встает ранехонько, умывается белешенько. Благодарит бабу-ягу за ночлег и поехал на ее коне. А этот конь еще бойчей того.

Вдруг Иван-царевич говорит:

- Стой! Перчатку обронил.

А конь отвечает:

- В кою пору ты говорил, я уж триста верст проскакал...

Не скоро дело делается, скоро сказка сказывается. Едет Иван-царевич день до вечера - красна солнышка до заката. Наезжает на избушку на курьей ножке, об одном окошке.

- Избушка, избушка, обернись к лесу задом, ко мне передом! Мне не век вековать, а одну ночь ночевать.

Вдруг заржал конь, и под Иваном-царевичем конь откликнулся. Выходит на крыльцо баба-яга, старых лет, еще старее той. Поглядела - конь ее сестры, а седок чужестранный, молодец прекрасный...

Тут Иван-царевич вежливо ей поклонился и ночевать попросился. Делать нечего! Ночлега с собой не возят - ночлег каждому: и пешему и конному, и бедному и богатому.

Баба-яга все дело справила - коня убрала, а Ивана-царевича накормила, напоила и стала спрашивать, кто он да откуда и куда путь держит.

- Я, бабушка, такого-то царства, такого-то государства, царский сын Иван-царевич. Был у твоей младшей сестры, она послала к средней, а середняя к тебе послала. Дай свою голову моим могучим плечам, направь меня на ум-разум, как мне добыть у девицы Синеглазки живой воды и молодильных яблок.

- Так и быть, помогу я тебе, Иван-царевич. Девица Синеглазка, моя племянница, - сильная и могучая богатырка. Вокруг ее царства - стена три сажени вышины, сажень толщины, у ворот стража - тридцать богатырей. Тебя и в ворота не пропустят. Надо тебе ехать в середину ночи, ехать на моем добром коне. Доедешь до стены - бей коня по бокам плетью нехлестаной. Конь через стену перескочит. Ты коня привяжи и иди в сад. Увидишь яблоню с молодильными яблоками, а под яблоней колодец. Три яблока сорви, а больше не бери. И зачерпни из колодца живой воды кувшинец о двенадцати рылец. Девица Синеглазка будет спать, ты в терем к ней не заходи, а садись на коня и бей его по крутым бокам. Он тебя через стену перенесет.

Иван-царевич не стал ночевать у этой старухи, а сел на ее доброго коня и поехал в ночное время. Этот конь поскакивает, мхи-болота перескакивает, реки, озера хвостом замечает.

Долго ли, коротко ли, низко ли, высоко ли, доезжает Иван-царевич в середине ночи до высокой стены. У ворот стража спит - тридцать могучих богатырей. Прижимает он своего доброго коня, бьет его плетью нехлестаной. Конь осерчал и перемахнул через стену. Слез Иван-царевич с коня, входит в сад и видит - стоит яблоня с серебряными листьями, золотыми яблоками, а под яблоней колодец. Иван-царевич сорвал три яблока, а больше не стал брать да зачерпнул из колодца живой воды кувшинец о двенадцати рылец. И захотелось ему самую увидеть, сильную, могучую, богатырку, девицу Синеглазку.

Входит Иван-царевич в терем, а там спят - по одну сторону шесть полениц - девиц-богатырок и по другую сторону шесть, а посредине разметалась девица Синеглазка, спит, как сильный речной порог шумит.

Не стерпел Иван-царевич, приложился, поцеловал ее и вышел... Сел на доброго коня, а конь говорит ему человеческим голосом:

- Не послушался, ты, Иван-царевич, вошел в терем к девице Синеглазке. Теперь мне стены не перескочить.

Иван-царевич бьет коня плетью нехлестаной.

- Ах ты, конь, волчья сыть, травяной мешок, нам здесь не ночь ночевать, а голову потерять!

Осерчал конь пуще прежнего и перемахнул через стену, да задел об нее одной подковой - на стене струны запели и колокола зазвонили.

Девица Синеглазка проснулась да увидала покражу:

- Вставайте, у нас покража большая!

Велела она оседлать своего богатырского коня и кинулась с двенадцатью поленицами в погоню за Иваном-царевичем.

Гонит Иван-царевич во всю прыть лошадиную, а девица Синеглазка гонит за ним. Доезжает он до старшей бабы-яги, а у нее уже конь выведенный, готовый. Он - со своего коня да на этого и опять вперед погнал... Иван то царевич за дверь, а девица Синеглазка - в дверь и спрашивает у бабы-яги:

- Бабушка, здесь зверь не прорыскивал ли?

- Нет, дитяtko.

- Бабушка, здесь молодец не проезживал ли?

- Нет, дитяtko. А ты с пути-дороги поешь молочка.

- Поела бы я, бабушка, да долго корову доить.

- Что ты, дитяtko, живо справлюсь...

Пошла баба-яга доить корову - доит, не торопится. Поела девица Синеглазка молочка и опять погнала за Иваном-царевичем.

Доезжает Иван-царевич до средней бабы-яги, коня сменил и опять погнал. Он - за дверь, а девица Синеглазка - в дверь:

- Бабушка, не проскакивал ли зверь, не проезжал ли добрый молодец?

- Нет, дитятко. А ты бы с пути-дороги поела блинков.

- Да ты долго печь будешь.

- Что ты, дитятко, живо справлю...

Напекла баба-яга блинков - печет, не торопится. Девушка Синеглазка поела и опять погнала за Иваном-царевичем.

Он доезжает до младшей бабы-яги, слез с коня, сел на своего коня богатырского и опять погнался. Он - за дверь, девушка Синеглазка - в дверь и спрашивает у бабы-яги, не проезжал ли добрый молодец.

- Нет, дитятко. А ты бы с пути-дороги в баньке попарилась.

- Да ты долго топить будешь.

- Что ты, дитятко, живо справлю...

Истопила баба-яга баньку, все изготвила. Девушка Синеглазка попарилась, обкатилась и опять погнала в сугон. Конь ее с горки на горку поскакивает, реки, озера хвостом заметает. Стала она Ивана-царевича настигать.

Он видит за собой погоню: двенадцать богатырок с тринадцатой - девушкой Синеглазкой - ладят на него наехать, с плеч голову снять. Стал он коня приостанавливать, девушка Синеглазка наскокивает и кричит ему:

- Что ж ты, вор, без спросу из моего колодца пил да колодец не прикрыл!

А он ей:

- Что ж, давай разъедемся на три прыжка лошадиных, давай силу пробовать.

Тут Иван-царевич и девушка Синеглазка заскакали на три прыжка лошадиных, брали палицы боевые, копыта долгомерные, сабельки острые. И съезжались три раза, палицы поломали, копыта-сабли исцербили - не могли друг друга с коня сбить. Незачем стало им на добрых конях разъезжаться, соскочили они с коней и схватились в охапку.

Боролась с утра до вечера - красна солнышка до заката. У Ивана-царевича резва ножка подвернулась, упал он на сыру землю. Девушка Синеглазка стала коленкой на его белую грудь и вытаскивает кинжальце булатный - пороть ему белую грудь. Иван-царевич и говорит ей:

- Не губи ты меня, девушка Синеглазка, лучше возьми за белые руки, подними со сырой земли, поцелуй в уста сахарные.

Тут девица Синеглазка подняла Ивана-царевича со сырой земли и поцеловала в уста сахарные. И раскинули они шатер в чистом поле, на широком раздолье, на зеленых лугах. Тут они гуляли три дня и три ночи. Здесь они и обручились и перстнями обменялись.

Девица Синеглазка ему говорит:

- Я поеду домой - и ты поезжай домой, да смотри никуда не сворачивай... Через три года жди меня в своем царстве.

Сели они на коней и разъехались... Долго ли, коротко ли, не скоро дело делается, скоро сказка сказывается, - доезжает Иван-царевич до расстаней, до трех дорог, где плита-камень, и думает:

"Вот нехорошо! Домой еду, а братья мои пропадают без вести".

И не послушался он девицы Синеглазки, своротил на ту дорогу, где женатому быть... И наезжает на терем под золотой крышей. Тут под Иваном-царевичем конь заржал, и братьевы кони откликнулись. Кони-то были одностадные...

Иван-царевич взошел на крыльцо, стукнул кольцом - маковки на тереме зашатались, оконницы покривились. Выбегает прекрасная девица.

- Ах, Иван-царевич, давно я тебя поджидаю! Иди со мной хлеба-соли откусать и спать-почивать.

Повела его в терем и стала потчевать. Иван-царевич, не столько ест, сколько под стол кидает, не столько пьет, сколько под стол льет. Повела его прекрасная девица в спальню:

- Ложись, Иван-царевич, спать-почивать.

А Иван-царевич столкнул ее на кровать, живо кровать повернул, девица и полетела в подполье, в яму глубокую.

Иван-царевич наклонился над ямой и кричит:

- Кто там живой?

А из ямы отвечают:

- Федор-царевич да Василий-царевич.

Он их из ямы вынул - они лицом черны, землей уж стали порастать. Иван-царевич умыл братьев живой водой - стали они опять прежними.

Сели они на коней и поехали... Долго ли, коротко ли, доехали до росстаней. Иван-царевич и говорит братьям:

- Покарауйте моего коня, а я лягу отдохну.

Лег он на шелковую траву и богатырским сном заснул. А Федор-царевич и говорит Василию-царевичу:

- Вернемся мы без живой воды, без молодильных яблок - будет нам мало чести, нас отец пошлет гусей пасти.

Василий-царевич отвечает:

- Давай Ивана-царевича в пропасть спустим, а эти вещи возьмем и отцу в руки отдадим.

Вот они у него из-за пазухи вынули молодильные яблоки и кувшин с живой водой, а его взяли и бросили в пропасть. Иван-царевич летел туда три дня и три ночи.

Упал Иван-царевич на самое взморье, опамятовался и видит - только небо и вода, и под старым дубом у моря птенцы пищат - бьет их погода.

Иван-царевич снял с себя кафтан и птенцов покрыл, а сам укрылся под дуб.

Унялась погода, летит большая птица Нагай. Прилетела, под дуб села и спрашивает птенцов:

- Детушки мои милые, не убила ли вас погодушка-ненастье?

- Не кричи, мать, нас сберег русский человек, своим кафтаном укрыл.

Птица Нагай спрашивает Ивана-царевича:

- Для чего ты сюда попал, милый человек?

- Меня родные братья в пропасть бросили за молодильные яблоки да за живую воду.

- Ты моих детей сберег, спрашивай у меня, чего хочешь: злата ли, серебра ли, камня ли драгоценного.

- Ничего, Нагай-птица, мне не надо: ни злата, ни серебра, ни камня драгоценного. А нельзя ли мне попасть в родную сторону?

Нагай-птица ему отвечает:

- Достань мне два чана - пудов по двенадцати - мяса.

Вот Иван-царевич настрелял на взморье гусей, лебедей, в два чана поклат, поставил один чан Нагай-птице на правое плечо, а другой чан - на левое, сам сел ей на хребет. Стал птицу Нагай кормить, она поднялась и летит в вышину.

Она летит, а он ей подает да подает... Долго ли, коротко ли так летели, скормил Иван-царевич оба чана. А птица Нагай опять оборачивается. Он взял нож, отрезал у себя кусок с ноги и Нагай-птице подал. Она летит, летит и опять оборачивается. Он с другой ноги срезал мясо и подал. Вот уже недалеко лететь осталось. Нагай-птица опять оборачивается. Он с груди у себя мясо срезал и ей подал.

Тут Нагай-птица донесла Ивана-царевича до родной стороны.

- Хорошо ты кормил меня всю дорогу, но слаще последнего кусочка отродясь не едала.

Иван-царевич ей и показывает раны. Нагай-птица рыгнула, три куса вырыгнула:

- Приставь на место.

Иван-царевич приставил - мясо и приросло к костям.

- Теперь слезай с меня, Иван-царевич, я домой полечу.

Поднялась Нагай-птица в вышину, а Иван-царевич пошел путем-дорогой на родную сторону.

Пришел он в столицу и узнает, что Федор-царевич и Василий-царевич привезли отцу живой воды и молодильных яблок и царь исцелился: по-прежнему стал здоровьем крепок и глазами зорок.

Не пошел Иван-царевич к отцу, к матери, а собрал он пьяниц, кабацкой голи и давай гулять по кабакам.

В ту пору за тридевять земель, в тридесятом царстве сильная богатырка Синеглазка родила двух сыновей. Они растут не по дням, а по часам. Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается - прошло три года. Синеглазка взяла сыновей, собрала войско и пошла искать Ивана-царевича.

Пришла она в его царство и в чистом поле, в широком раздолье, на зеленых лугах раскинула шатер белополотняный. От шатра дорогу устелила сукнами цветными. И посылает в столицу царю сказать:

- Царь, отдай царевича. Не отдашь, - все царство потопчу, пожгу, тебя в полон возьму.

Царь испугался и посылает старшего – Федора-царевича. Идет Федор-царевич по цветным сукнам, подходит к шатру белополотняному. Выбегают два мальчика:

- Матушка, матушка, это не наш ли батюшка идет?

- Нет, детушки, это ваш дяденька.

- А что прикажешь с ним делать?

- А вы, детушки, угостите его хорошенько.

Тут эти двое пареньков взяли трости и давай хлестать Федора-царевича пониже спины. Били, били, он едва ноги унес.

А Синеглазка опять посылает к царю:

- Отдай царевича...

Пуще испугался царь и посылает среднего - Василия-царевича. Он приходит к шатру. Выбегают два мальчика:

- Матушка, матушка, это не наш ли батюшка идет?

- Нет, детушки, это ваш дяденька. Угостите его хорошенько.

Двое пареньков опять давай дядю тростями чесать. Били, били, Василий-царевич едва ноги унес.

А Синеглазка в третий раз посылает к царю:

- Ступайте, ищите третьего сынка, Ивана-царевича. Не найдете - все царство потопчу, пожгу.

Царь еще пуще испугался, посылает за Федором-царевичем и Василием-царевичем, велит им найти брата, Ивана-царевича. Тут братья упали отцу в ноги и во всем повинились: как у сонного Ивана-царевича взяли живую воду и молодильные яблоки, а самого бросили в пропасть.

Услышал это царь и залился слезами. А в ту пору Иван-царевич сам идет к Синеглазке, и с ним идет голь кабацкая. Они под ногами сукна рвут и в стороны мечут.

Подходит он к белополотняному шатру. Выбегают два мальчика:

- Матушка, матушка, к нам какой-то пьяница идет с голью кабацкой!

А Синеглазка им:

- Возьмите его за белые руки, ведите в шатер. Это ваш родной батюшка. Он безвинно три года страдал.

Тут Ивана-царевича взяли за белые руки, ввели в шатер. Синеглазка его умыла и причесала, одежду на нем сменила и спать уложила. А голи кабацкой по стаканчику поднесла, и они домой отправились.

На другой день Синеглазка и Иван-царевич приехали во дворец. Тут начался пир на весь мир - честным пирком да и за свадебку. Федору-царевичу и Василию-царевичу мало было чести, прогнали их со двора - ночевать где ночь, где две, а третью и ночевать негде...

Иван-царевич не остался здесь, а уехал с Синеглазкой в ее девичье царство.

Тут и сказке конец.